

**СОВРЕМЕННОЕ КИТАЙСКОЕ ГОСУДАРСТВО.
Т. 1: ОСНОВНЫЕ ИНСТИТУТЫ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ВЛАСТИ
И УПРАВЛЕНИЯ / ГЛ. РЕД. А.В. ВИНОГРАДОВ.
М.: ИН-Т ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА РАН, ИН-Т ВОСТОКОВЕДЕНИЯ РАН,
2022. 903 с.**

© 2023 г. П. Н. Дудин^{а,*}

^аВосточно-Сибирский государственный университет технологий и управления, Улан-Удэ, Россия

*E-mail: dudin2pavel@gmail.com

Поступила в редакцию 02.05.2023 г.

После доработки 18.05.2023 г.

Принята к публикации 29.05.2023 г.

Ключевые слова: КНР, государство, органы государственной власти, институты управления.

DOI: 10.31857/S0869587323060075, EDN: TMDLJV

Рубеж XX–XXI вв. для государственной системы Китая оказался насыщенным и полным испытаний. Либерализация экономики, образование в структуре Нового Китая специальных административных районов, принятие поправок в основной закон страны – всё это потребовало как институционального, так и законодательного обеспечения, а в ряде случаев и преобразований государственного аппарата. С подобным масштабом социальных, государственных и юридических трансформаций страна сталкивалась разве что только на рубеже XIX–XX вв., когда устаревшие маньчжурские институты уже были не в состоянии обеспечивать ни эффективное управление страной, ни проведение необходимых реформ.

Казалось, что с крушением монархии в прошлое окончательно и бесповоротно уходила не просто многотысячелетняя эпоха, но целая цивилизация, поскольку республиканский Китай активно перенимал западные традиции парламентаризма, конституционализма и т.п. Однако на деле всё было значительно сложнее: новые институты не работали без политической воли, слепо переписываемые законы не обеспечивали интересов граждан, а новая власть, вполне земная, не надённая, в отличие от низвергнутой, сакральными привилегиями, оказалась коррумпированной и некомпетентной.

ДУДИН Павел Николаевич – доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Управления научных исследований ВСГУТУ.

Болезненный и кровопролитный республиканский период сменился гражданской войной и победой коммунистов. Последние заимствовали государственные и правовые институты из опыта СССР. Но время доказало, что 4000 лет функционирования социального механизма не может уйти в небытие в течение нескольких десятков лет, не может исчезнуть из генетической памяти народа, населяющего определённое цивилизационное пространство. Именно к этому выводу приводит прочтение фундаментального труда “Современное китайское государство. Т. 1: Основные институты государственной власти и управления”. На основе анализа ключевых органов власти научному коллективу удалось показать, что исконные основы китайской государственности никуда не исчезли и не забыты, а лишь модифицированы под современные условия. Впрочем, именно эта черта (заимствовать лучшее, изменяя его в соответствии со своими условиями и интересами) – характерная особенность китайского менталитета.

Безусловно, авторы книги далеки от мысли проводить прямую параллель и искать прямое совпадение в имперских и современных высших органах государственной власти – это было бы чистойшей воды академическим популизмом и шарлатанством. Однако определённые контуры тех основ, на которых строилась китайская цивилизация и её государственно-правовой сегмент, усмотреть можно.

Анализ содержания книги “Современное китайское государство...” позволил сгруппировать

описанные государственные органы в соответствии с восемью наиболее важными общественными сферами, совпадающими с основными сферами общественных отношений, которые в имперский период подвергались регламентации со стороны государства. Как представляется, и при провозглашении республики в 1912 г., и при образовании Нового Китая в 1949 г. эти общественные сферы сохранили свою автономию, не растворились в череде новых отношений, привнесённых извне, тем самым обеспечив устойчивость государственного механизма.

Первую сферу составляли высшие органы управления, не соподчинённые, но институционализированные. Во-первых, это было Учреждение императорской фамилии, или Цзун жэнь фу, в маньчжурскую эпоху обладавшее как учётными, так и юрисдикционными полномочиями в отношении принцев крови. Во-вторых, известный в отечественной науке как Дорги Ямунь, или Верховный совет [1, с. 22], иначе – Правительствующее учреждение (Цинчао нэйгэ), один из высших коллегияльных органов управления Маньчжурского государства. Его преемником в 1912 г. стал Кабинет министров.

В Новом Китае система высших государственных органов не менее сложная и неоднородная, поэтому шесть глав обсуждаемой книги посвящены именно ей. Так, в главе 4 “Система собраний народных представителей” описываются основы формирования и функционирования Всекитайского собрания народных представителей в качестве высшего органа государственной власти КНР, а в исторической перспективе – Постоянного комитета, а также местных и низовых представительных органов (до провозглашения Народной Республики в 1949 г.). Авторы обращают внимание на порядок формирования этого органа – путём делегирования рабочих, крестьян, интеллигенции, кадровых работников, реэмигрантов (гуйцзяо) и членов демократических партий в зависимости от численности населения представленных районов (с. 101, 135–139). В свою очередь, избранные депутаты сами избирают из своей среды Постоянный комитет ВСНП (стр. 111). Эта же система делегирования в зависимости от численности населения того или иного административно-территориального образования сохраняется в автономных районах и городах центрального подчинения, в городах с районным делением и автономных округах и т.д. (с. 118), что в целом отражает суть и характер современной китайской государственности – представительность. Формированию выборных государственных органов посвящена глава 5, в которой детально описываются как общие подходы, так и недавние события, связанные, например, с формированием ВСНП 13-го созыва. Любопытно, что установлена норма представительства (помимо делегатов

от делегатов от провинций, автономных районов, городов центрального подчинения и специальных административных районов) и от делегатов от провинции Тайвань в количестве 13 человек, “которые избираются из числа тайваньских соотечественников, проживающих в провинциях, автономных районах, городах центрального подчинения КНР, а также от НОАК” (с. 140). Представляют интерес сведения о выборах от специальных административных районов Сянган и Аомэнь. Эти выборы носят косвенный характер – через Избирательную конференцию, члены которой участвуют в ней посредством делегирования (с. 148, 149, 151, 152). Что касается избрания представителей от провинции Тайвань, то “на практике проживающие в материковой части Китая тайваньцы избирают депутатов ВСНП от провинции, де-факто существующей в качестве государства вне компетенции властей КНР” (с. 152), и происходит это посредством Консультативной избирательной конференции из числа “тайваньских соотечественников” либо лиц, родившихся на Тайване, либо их детей (с. 153), проживающих в провинциях, автономных районах и городах центрального подчинения (с. 152).

Обстоятельный анализ становления системы государственного управления на уровне высших административных органов даётся в главе “Государственный совет КНР”, а также в чуть менее объёмной, но не менее содержательной главе “Председатель Китайской Народной Республики”, в которой прослеживается формирование этого во многом уникального института в русле общих представлений политических элит Нового Китая о статусе главы государства и его месте в системе органов государственной власти.

Главному институту, “который используется партийно-государственным аппаратом КНР для взаимодействия с некоммунистическими политическими партиями, частными предпринимателями, религиозными и общественными деятелями и организациями” (с. 654), посвящена глава “Народный политический консультативный совет Китая”. Представляя вниманию читателей историю становления и современное состояние этого института, авторы обращаются к обширной источниковой базе, показывают место данного органа в политической системе КНР, структуру участников, организационные основы и его основной функционал, а именно: проведение политических консультаций в течение календарного года по основным вопросам государственной политики и политическим решениям регионально-характера (с. 687); демократический контроль в отношении соблюдения Конституции и основных нормативных правовых актов страны; проведение мероприятий в рамках реформ и решение наиболее важных общественных вопросов посредством направления предложений в адрес

высших органов государственной власти, инспекционных поездок в места выявления нарушений, участия в проверках государственных органов и предоставления отчётов об условиях жизни народа в органы государственной власти; участие в политической жизни посредством изучения вопросов политики, экономики, культуры, общественной жизни, экологической обстановки и т.д. (с. 689).

Наконец абсолютной новацией в государственно-правовом сегменте современного Китая стали государственные органы, появившиеся после принятия поправок в Конституцию КНР в 2018 г. и ставшие известными как контрольные (надзорные) комитеты. Им посвящена глава 25, которая содержит краткий исторический экскурс в эпоху республиканского Китая, когда идея Сунь Ятсена о новой и не имеющей аналогов в имперском прошлом контрольной ветви власти была конституционно закреплена в 1931 г. и организационно оформлена в новую структуру — Контрольный юань — с упоминанием о формировании контрольных органов в недрах КПК ещё в 1921 г. (с. 804). Наибольший интерес в параграфе “Становление самостоятельной контрольной власти в КНР” представляет описание функционирования трёхуровневой системы государственного контроля (провинции—города—уезды), действующей в качестве “службы одного окна”, в которую стекается вся информация по коррупционным и иным смежным нарушениям (с. 806, 807). Работники этой службы наделены весьма широкими правоприменительными полномочиями, включая предъявление публичного обвинения с последующим судебным разбирательством. Параграф “Органы контроля на современном этапе” раскрывает суть данного направления административной реформы — упразднение ряда высших органов государственной власти (например, Министерства контроля КНР и Государственного управления КНР по предупреждению коррупции) с передачей их полномочий государственному контрольному (надзорному) комитету, а также контрольным комитетам управлений народных прокуратур по борьбе с коррупцией и взяточничеством и управлений по борьбе с должностными преступлениями и ущемлением прав вместе со штатом служащих (с. 807). Этот своеобразный государственный институт стал, по мнению авторов книги, новой ветвью власти в Китае (с. 803).

Раскрывая соотношение государственных органов с семью остальными сферами общественных отношений, следует иметь в виду, что в имперскую эпоху координация их регулирования осуществлялась благодаря учреждению, известному как Лю бу. Этот орган выполнял гораздо более специфические управленческие функции,

чем правительственные учреждения¹. В его структуру входили шесть, а в эпоху империи Цин семь государственных органов, уполномоченных каждый в своей сфере, собственные подразделения для эффективного управления, а сами органы наделались правоприменительными полномочиями и судебными функциями и в отношении каждого из них в общеимперском Своде законов имелся свой блок правовых норм, формирующих своеобразные отрасли традиционного китайского права.

Итак, *вторую сферу общественных отношений составляла бюрократия*. В имперскую эпоху Ведомство должностных лиц (Ли бу) управляло, пожалуй, одним из самых эффективных из когда-либо созданных государственных институтов — институтом китайской бюрократии. Вряд ли найдётся кто-то, кто опишет его лучше, чем это сделал В.М. Рыбаков в серии “Танская бюрократия”. Суть китайского бюрократического аппарата раскрыта в двух первых разделах: “Феномен китайской бюрократии” [2, с. 15–62] и “Служба как она была” [2, с. 63–114], из которых следует вывод о том, что чиновничество в Китае не всегда любимо, но всегда уважаемо и в основе своей эффективно.

В главе “Система государственной службы КНР” с оговоркой, что речь идёт о гражданской (публичной) службе, исторические традиции, причём не только имперского, но и республиканского прошлого, весьма удачно связываются с современной системой подбора и расстановки кадров в государственном аппарате. Показаны ход и суть реформы государственной службы на современном этапе, которая, будучи частью крупномасштабной административной реформы по перестроению государственного управления под требования социалистической рыночной экономики с китайской спецификой, сводится к созданию эффективного и квалифицированного государственного аппарата, избавленного от сложных административных процедур, от множественности государственных органов, дублирования ими своего функционала, от коррумпированных чиновников. Благодаря этому “была создана система регулярной государственной службы, произошёл отход от существовавшей ранее командно-директивной системы назначения на должность в направлении прохождения кандидатами многоступенчатого отбора и квалификационных экзаменов. В результате построена конкурентная среда среди кандидатов при зачислении на государственную службу” (с. 623, 624). Одним

¹ Добавим, что ни Цзун чжин фу, ни Цинчао нэйгэ не входили в состав Лю бу, решая собственные задачи и тем не менее представляя собой часть сложного и эффективного государственного механизма, поэтому мы и упоминали их выше.

из последних шагов в этом направлении стало упразднение восьми органов министерского уровня и семи органов, подчиняющихся министерствам, создание трёхзвенной системы получения государственной должности (посредством избрания, назначения и по приглашению), а идеологическим следствием — отказ от существовавшей долгие годы командно-директивной системы зачисления в административный аппарат (с. 652). Глава снабжена обширным комментарием к ключевым нормативным правовым актам в этой сфере, приведены некоторые данные и табличные сводки, полезные в исследовании феномена современной китайской бюрократии.

Глава 17 “Экзаменационная система в КНР” концентрирует внимание читателя на этом знаковом достижении китайской цивилизации. Её материал богат фактическими данными и ссылками на первоисточники, любопытными сопоставлениями (например, о заработной плате госслужащих, с. 579), а также примерами проведения экзаменов и сводками об их результатах по годам. Открытой экзаменационной процедуре, отмечает автор главы, подвергаются те, кто претендует “на неруководящие посты, начиная с должности старшего сотрудника сектора и ниже, а также на других уровнях” (с. 591). Претенденты на должность должны иметь высокий уровень образования и идеологической подготовки, не быть привлечёнными до того к уголовной ответственности и не быть уволенными ранее с государственной службы. Сами же экзамены проводятся в рамках установленной квоты на имеющиеся вакансии с публичным объявлением об открытых для занятия должности позициях и условиях для кандидатов. После публикации объявления следуют регистрация кандидатов и проверка их компетенций, проведение единого экзамена, изучение путей выдвижения кандидатов, а на завершающем этапе — обсуждение и принятие решения партийным комитетом (ячейкой) (с. 592–594). В параграфе о целевых экзаменах на примере административного района Внутренняя Монголия показана пошаговая процедура, предусматривающая объявление о вакансиях, подготовку документов, включая получение рекомендаций от вузовских и партийных структур, первичное рассмотрение квалификации кандидатов на уровне орготдела партийного комитета, письменный экзамен продолжительностью 100 мин, устный экзамен в виде структурированного интервью той же продолжительности, прохождение медкомиссии, публикацию результатов и распределение в органы власти и организации (с. 596, 597).

Дипломатической службе Китая, которая в имперскую эпоху занималась управлением внешними территориями, посвящена глава 16. В начале главы говорится, что в 1912 г. “было создано первое китайское Министерство иностранных

дел, на которое возлагались задачи по защите национальных интересов страны” (с. 570). Это утверждение нуждается в уточнении, поскольку хронология внешнеполитического ведомства имперского Китая к тому времени насчитывала уже полвека и имела как минимум две знаковые точки преобразований — в 1861 и 1901 гг. В республиканском Китае это министерство играло важную роль на этапе избавления от экстерриториальности и иностранных поселений, борьбы с японским вторжением и учреждения ООН. В связи с этим было бы интересно проследить историческую преемственность внешнеполитических институтов. В значительной мере компенсирует пробел анализ развития дипломатической службы в Новом Китае, включая современную её структуру и подготовку дипломатических кадров.

Третье направление государственного управления — хозяйственная деятельность. Регулирование этой, одной из системообразующих и для китайского социума, и для китайского государства, сферы претерпело череду трансформаций. В своём традиционном воплощении в лице Ведомства хозяйственных дел (Ху бу или Гуаньшу) оно предполагало полномочия в области финансов и драгоценных металлов, налогов и пошлин, учёта домохозяйств, земли, водного транспорта и другого государственного имущества, регистрации браков, отдельных имущественных отношений частных лиц, торгового оборота и некоторых социальных аспектов. Именно из-за обширности охватываемых общественных отношений правовой блок их регулирования был одним из самых объёмных и подробных.

В обсуждаемой книге хозяйственной сфере посвящены шесть глав. Вопросам государственной системы и политики управления численностью населения и его учёта — главы “Государственная система контроля численности населения Китая” и “Система регистрации населения и внутренние миграции” (которые, думаю, целесообразно было бы объединить). Исторический экскурс и обстоятельный анализ современной системы учёта населения и внутренней миграции с обширными табличными данными позволяют сформировать представление об обширном опыте в этой области, накопленном за несколько десятков веков, во многом наследуемом современной государственной системой и реализуемом как во время проведения переписей населения, так и в повседневной практике управления огромными людскими ресурсами, составляющими 1.4 млрд человек (стр. 70).

С точки зрения понимания трансформации управления экономикой при переходе от директивного к индикативному планированию и от установления количественных показателей к качественным (с. 304) полезной представляется

глава “Механизм принятия социально-экономических программ КНР в XXI в.” Так, по мнению автора главы, после вступления КНР в ВТО в 1984 г. ключевые изменения в системе планирования при составлении 10 пятилетнего плана (2001–2005) коснулись прежде всего институциональных вопросов (ликвидация Госплана КНР, заменённого Комитетом по развитию и реформе, создание в статусе министерства Центра развития Госсовета КНР), а также её идеологической канвы, когда само слово “план” было заменено словом “программа” (с. 304) и “в документах съездов и пленумов КПК и сессий ВСНП давалось крайне мало конкретных плановых показателей развития народного хозяйства КНР, которые большей частью носили индикативный характер” (с. 306). Следствием этого стало двукратное превышение плановых показателей роста ВВП. Одним из действенных инструментов стала практика принятия экономических программ, а директивные планы сменились задачами, поставленными перед обществом. В главе “Система управления государственной собственностью в КНР” раскрывается суть и содержание хозяйственных реформ, начатых в 1979 г. Отмечаются такие меры, как расширение хозяйственных прав предприятий, получение низовыми предприятиями права распоряжаться частью прибыли, создание крупных корпораций, широкая техническая реорганизация и введение новых научных методов управления, “очистка” госсектора от мелких предприятий и акционирование крупных предприятий (с. 327).

К сожалению, менее информативной представляется глава 10 “Органы управления образованием и культурой в системе государственной и партийной власти КНР”. Прочтение параграфа “Органы управления на уровне законодательной власти” заставляет задаться вопросом, а есть ли в современном Китае обособленная законодательная власть либо это — власть представительная, равно как и название параграфа “Управление органами исполнительной власти” предполагает аналогичный вопрос относительно наличия власти исполнительной. Очевидно, что, если даже исходить из догматического подхода и опираться на тексты Конституции КНР 1954 г., 1975 г., 1978 г. и нынешней Конституции КНР 1982 г. (в последней редакции 2018 г.), либеральный концепт разделения властей на законодательную, исполнительную и судебную (даже в вариации идей Сунь Ятсена с добавлением к ним экзаменационной и контрольной ветвей власти) не составляет основу государственности Нового Китая. И хотя статья 58 Конституции КНР гласит, что Всекитайское собрание народных представителей и его Постоянный комитет осуществляют законодательную власть в стране, вряд ли корректно называть их органами законодательными, поскольку прежде

всего они есть органы представительной власти, о чём и говорится в четвёртой главе рецензируемой книги. Аналогичным образом статья 85 Конституции КНР объявляет Государственный совет Китайской Народной Республики исполнительным органом государственной власти и высшим государственным административным органом, но вряд ли это даёт нам право вести речь о наличии в системе публичных органов отдельной исполнительной власти. Это весьма спорный момент, требующий большей доказательности, для убеждения отдельных взыскательных читателей. Название одного из параграфов — “Управление по линии НПКСК” — тоже может ввести в заблуждение несведущего читателя: спрашивается, что это за орган? (Тем более что расшифровка аббревиатуры даётся только в названии главы.) Текст этих двух параграфов напоминает выдержки из нормативного акта, регулирующего деятельность какого-либо органа, или из должностной инструкции, с редкими отсылками к недавней истории. Тем не менее содержащаяся здесь информация, несомненно, полезна интересующимся данной сферой общественной жизни и государственного управления КНР.

Очень содержательной оказалась глава “Система государственного управления физической культурой и спортом в КНР”. В ней предпринята удачная попытка объяснить читателю специфику указанной отрасли и её современное состояние в русле двух стратегий: олимпизма с соответствующим государственным “Планом олимпийской славы” и здоровья нации под эгидой Программы всенародного укрепления здоровья. Приведён обширный нормативный материал со ссылками на первоисточники, функционально верно очерчена система государственных органов, участвующих в реализации политики в данной области, во главе с Главным государственным управлением физкультуры и спорта министерского подчинения на общенациональном уровне, управлениями физической культуры и спорта на провинциальном уровне и нижестоящими структурами на уровне городов, уездов и более мелких административно-территориальных единиц как общего, так и ведомственного значения (например, подведомственных Министерству образования или Центральному военному совету).

Четвёртое направление — духовная сфера жизни Китая, которая всегда была и остаётся чрезвычайно важной для страны и её граждан. Неслучайно в системе ведущих органов имперского Китая Ведомство обрядов/ритуалов/ церемоний (Ли бу) играло далеко не последнюю роль. В Новом Китае этим вопросам также уделяется серьёзное внимание на уровне высших органов государственной власти, о чём повествует глава “Государственное управление по делам религий”. Глубокий анализ процесса выстраивания взаимо-

отношений между руководством КНР и религиозными организациями страны и их места в структуре государственно-партийного управления, сопоставление конструируемой государственной системы по управлению религиозными институтами с аналогичными структурами СССР, вопросы распределения полномочий между ведомствами, многочисленные ссылки на китайские источники — всё это сделало данный раздел крайне содержательным, позволяющим понять, что сегодня представляет из себя религиозная составляющая китайского государства и общества.

Пятая, военная сфера, и соответствующий сегмент государственного механизма во все времена и в любой цивилизации является определяющим не только с точки зрения способности добиться влияния державы на региональном или международном уровне, но и с точки зрения укрепления внутривластной ситуации. Имперский Китай не был в этом отношении исключением: Военное ведомство (Бин бу) формировало и собственный блок правовых норм, и собственную систему правосудия. Современная структура государственного аппарата, безусловно, не воспроизводит ни функций, ни задач, возлагавшихся на военных в былые времена, однако по-прежнему поддерживает их знаковое положение в обществе и определённую элитарность. Не углубляясь в историю даже республиканского Китая (что было бы весьма полезным для любопытствующих), автор главы 20 концентрирует внимание преимущественно на современности и пореформенном периоде 2015–2020 гг., в подробностях описывает систему управления вооружёнными силами КНР со ссылками на положения Конституции и нормативные правовые акты, перечисляет лиц из числа высшего военного командования, приводит другие полезные сведения. Уделяя значительное внимание Центральному военному совету КНР как высшему военному органу, главой которого является Си Цзиньпин, автор, во-первых, показывает, как разделяются полномочия этого органа и Министерства обороны КНР, которое будучи ведомством в структуре Госсовета КНР “осуществляет реализацию установок военно-политического руководства страны в области строительства вооружённых сил” (с. 744), во-вторых, характеризует структуру этого органа и круг его ответственности, а на примере перераспределения полномочий между Советом и Народно-освободительной армией Китая иллюстрирует тенденцию значительного усиления и расширения полномочий высшей военной структуры страны.

Характеристика высших военных институтов даётся в главе “Центральный военный совет. Система управления вооружёнными силами КНР”, положения которой в ряде случаев, к сожалению, дублируют предыдущую главу, пересекаются с

ней в вопросе о статусе Высшего военного совета и Министерства обороны КНР. Разнообразие вносит попытка институционально отграничить Высший военный совет и Военный совет ЦК КПК, председателем которого тоже является Си Цзиньпин: отмечается, что Военный совет ЦК КПК “отвечает за партийную и политическую работу в Вооружённых силах и определяет организационную систему и органы партии в Вооружённых силах” (с. 756). В главе “Академия военных наук НОАК”² раскрываются особенности подготовки военных кадров, определяется не только фактическое, но и политическое положение в военной иерархии страны упоминаемой в названии главы образовательной структуры, обозначаются карьерные достижения высших военных функционеров — выпускников академии.

Шестая сфера — система правосудия. Следует сказать, что её своеобразие в имперский период имеет мало общего с нынешней ситуацией. В прошлом соответствующие функции были сосредоточены между разными ведомствами, исходя из специализации отраслей права и их правоприменительных полномочий. Так, Ведомство наказаний (Син бу), с которым у обывателя традиционно ассоциируется правосудие в имперский период, функционировало в строго отведённой ему области, отвечало за относительно ограниченный круг вопросов, причисляемых большинством современных исследователей китайского права к уголовным деяниям, хотя это не соответствует действительности. Здесь следует пояснить, что в современном понимании уголовное право — продукт XIX в., причём продукт римской традиции, которую китайские империи не знали вплоть до середины XIX в. Обывательское восприятие китайской системы правосудия как монолитной, волюнтаристской, карательной создавало её незаслуженно отрицательный образ, который отчасти удалось развеять известному американскому исследователю имперского права Китая Д. Боддэ в его хрестоматийной работе, где он, в частности, говорит: “Во многих отношениях законодательство императорского Китая было более гуманным и разумным, чем его западный аналог. Кража, например, заслуживала смертной казни только тогда, когда она превышала стоимость 120 унций серебра или была совершена трижды, в третий раз на сумму более 50 унций. Это наказание выгодно отличается от наказания в доиндустриальной Англии, где только в 1818 году, и то лишь после четырёх парламентских рассмотрений законопроекта, смертная казнь была отменена за кражу из магазина товаров стоимостью менее пяти шиллингов” [3, р. 41]. Боддэ напоминает, что в отличие от европейских стран, где

² НОАК — Народно-освободительная армия Китая. (Прим. ред.)

смертная казнь могла выноситься и судебными органами на уровне графств и других территориальных единиц, в Китае эту меру наказания накладывал только император и только после сложной процедуры рассмотрения и утверждения её несколькими соподчинёнными нижестоящими коллегиальными инстанциями [3, р. 42]. Он приводит слова исследователя китайского имперского уголовного права, бывшего британского консула в Ханькоу и Гуанчжоу Ч.Г. Алебастера: “Короче говоря, хотя [в Китае] наказание сурово и отвратительно, оно не так мучительно, как полуповешение, потрошение и четвертование, практиковавшиеся в Англии в недавнем прошлом” [3, р. 93].

Говоря о современной судебной системе КНР, авторы книги справедливо указывают на то, что она функционирует под негласным контролем правящей Коммунистической партии Китая (с. 768). В тексте главы 23 приводятся многочисленные отсылки к нормативно-правовой базе, даны её обстоятельные комментарии, подкреплённые ссылками на авторитетных китайских учёных, выдержками из официальных докладов и иных документов. Экскурс в историю становления системы правосудия Нового Китая позволяет даже не посвящённому в тонкости государственной политики этой страны читателю разобраться в логике как законодателя, так и архитекторов государственного аппарата. Среди ключевых моментов для понимания природы судебной власти в Новом Китае авторы отмечают: тесную её связь и работу под руководством КПК; наличие системы “двойного подчинения народных судов: вышестоящей судебной инстанции и собраниям народных представительств (их постоянным комитетам) соответствующего уровня” (с. 769); поднадзорность органам прокуратуры; подконтрольность общественности; наличие специальных народных судов (суды по морским делам; по интеллектуальным правам; финансовые суды; лесные и мелиорационные суды; суды по банкротству; интернет-суды и т.д.); значительную открытость, доступность и избавление от коррупции и бюрократии (с. 791).

В главе, посвящённой органам прокуратуры, присутствует исторический экскурс в первые годы существования Китайской Народной Республики, когда только формировались прокурорские органы как совершенно новая составляющая государственного аппарата, не имевшая аналогов ни в имперском, ни в гоминьдановском Китае, ни в освобождённых районах. Этот экскурс плавно перетекает в современную ситуацию, и перед читателем возникает чёткая картина структуры органов прокуратуры КНР, включая специфику их деятельности и современные реформы, а также создание в 2018 г. “на конституционном уровне новой контрольной власти”, о которой уже гово-

рилось выше. Даная новация “предполагает частичное реформирование органов прокуратуры в направлении изъятия у них функций по борьбе с коррупцией” (с. 802).

Седьмая, природоресурсная, сфера общественных отношений традиционно сводилась к управлению использованием и, соответственно, охране природных объектов и поддержанию в надлежащем состоянии возведённых на них сооружений (например, дамб и каналов). Ставилась задача реализации рационального подхода к мелиорации и обработке земли, что предполагало умелое управление ресурсами, адекватное нормативное регулирование хозяйственной деятельности и активное привлечение высокопрофессионального наёмного труда. Очевидно, из-за важности этой сферы общественных отношений, она была поручена Ведомству [общественных] работ (Гун бу), а блок норм, регулирующих её, составил самостоятельную, пусть и небольшую, отрасль китайского традиционного права (см. [4, р. 471–473; 5, р. 735, 736]). В настоящее время система государственной охраны окружающей среды включает, с одной стороны, партийные структуры, ответственные за экологическую политику, с другой — соответствующие органы государственной власти. В структуре ЦК КПК присутствуют относительно новые подразделения, на которых зиждется ныне управление данной сферой, например, Малая группа по реформе экономической системы и экологической цивилизации Комиссии ЦК КПК по всестороннему углублению реформ. Среди органов государственной власти ключевым звеном является образованное в марте 2018 г. Министерство экологии и окружающей среды. В книге предлагается экскурс в историю становления государственных структур в области экологической политики, однако он ограничивается лишь констатацией фактов их создания, преобразования и упразднения, в то время как интерес представляют причины принятия подобных решений, тем более что в последние годы руководство КНР предприняло серьёзные шаги в решении экологических проблем страны начиная с законодательного установления “зелёного”, или экологического, принципа осуществления гражданско-правовых действий, предусмотренного в статье 9 ГК КНР. Этот принцип развивается в статье 110 ГК, распространяясь на право граждан на сохранение здоровья, и подкрепляется конкретными институциональными мерами, как это было сделано в начале 2000-х годов, когда в провинциях Цзянсу, Юньнань и Гуйчжоу были созданы экологические суды для разбирательства соответствующих вопросов.

Восьмая сфера — управление регионами и территориями. Очевидно, что огромная страна с разнообразными природными и экономическими условиями, наличием национальных окраин тре-

бует пространственной организации. (С точки зрения связей России и Китая эта проблема также небезразлична: приграничное пространство во многом обеспечивает взаимодействие с великим соседом, способствует развитию торговли и культурному обмену.) В эпоху империи Цин³ соответствующую деятельность осуществляло Ведомство управления зависимыми территориями (Лифаньюань). На рубеже XIX–XX вв. в отечественном дискурсе появились категории внутреннего (ханьского, традиционного, имперского) и внешнего [9–11] (периферийного, присоединённого, подконтрольного метрополии) Китая. На этой основе складывалось понимание характера управления как собственно китайскими провинциями, уездами и более мелкими территориальными единицами, так и пространствами на окраинах империи, а после её распада – теми территориями, которые пытались получить независимый статус.

В книге “Современное китайское государство...” сфере управления территориями посвящены три главы: “Административно-территориальное устройство (деление) КНР”, “Органы государственной власти национальных автономий”, “Администрация и местное самоуправление в китайской деревне”.

Первая из этих глав погружает читателя в историю территориального устройства страны с акцентом на специфические черты, некоторые из которых сохранились и поныне. Так, говоря о “китайском унитаризме”, авторы раздела подчёркивают, что в Китае понимание унитарного государства существенно отличается от принятого в западном мире, предполагало и предполагает куда меньшую централизацию, чем подразумевает сам термин. В главе описывается процесс преобразования одних административно-территориальных единиц в другие, разъясняются причины таких изменений, характеризуется их нормативно-правовая база. Как указывают авторы, одной из причин ликвидации промежуточных звеньев (провинция/уезд) в административно-территориальной организации стала политика “по их со-

кращению со 170 в 1982 г. до 66 в 1998 г. и 10 в 2020 г.” (с. 23) – на их место приходили городские округа. Ликвидация Хайнань-Ли-Мяоского автономного округа была связана с выделением о. Хайнань в отдельную провинцию в 1988 г. Ещё одной причиной преобразований авторы называют урбанизацию, вследствие которой количество посёлков постоянно растёт, а волостей – уменьшается (с. 35, 36).

Глава, посвящённая национальным автономиям, призвана развить заданную проблематику в русле одного из институтов управления территориями КНР – непосредственно органов государственной власти, государственного аппарата, применительно к национальным регионам. Социалистическая риторика в духе “все движения носили национально-освободительный характер” или “восстания жестоко подавлялись карательными походами” (с. 415) постепенно сменяется обстоятельным анализом исторических основ национальной политики центральной власти со ссылками на Конституцию и её проекты, комментариями их положений (с. 417, 418, 420, 421, 426, 427 и др.). Особый интерес представляет параграф “История формирования национальной политики КПК”, позволяющий проследить генезис идей в данной области. Указывается, что “центральными органами государственной власти, управляющими делами национальностей в Китае, являются Комиссия по делам национальностей ВСНП с полномочиями по рассмотрению и обсуждению законопроектов, правоприменительных актов и обращений, проведение исследований и консультаций в сфере национальной политики; Государственный комитет по делам национальностей Госсовета КНР, к чьему ведению относится курирование высших учебных заведений для представителей национальных меньшинств, исследовательских и просветительских учреждений и соответствующая управленческо-исследовательская деятельность, а также Комиссия по делам национальностей и религий Всекитайского комитета Народного политического консультативного совета Китая, чья деятельность сосредоточена на проведении в жизнь национальной политики правительства КНР, защите законных прав, интересов, а также отражении требований и мнений представителей малочисленных народов страны” (с. 466–471). В целом материал главы существенно расширяет видение национальной автономии в КНР.

Наконец, третья из названных глав завершает обзор институциональных основ управления территориями, составляющими основу Китайского государства, где низкой уровень представлен категорией “китайская деревня”. Весьма сильный авторский ход – начать погружение читателя в заявленную проблематику с разъяснения дефиниции “сян” в её историко-культурном контексте.

³ Империя Цин (Поздняя Цзинь с 1616 г. в Маньчжурии, Цин с 1636 г., с 1644 г. в континентальном Китае) – государство и династия маньчжурских императоров, осуществлявшая в период своего наивысшего расцвета господство на землях т.н. внутреннего Китая, Внешней (Халха) и Внутренней Монголии, Восточного Туркестана, Тибета и др. В ходе Синьхайской революции 1911–1912 гг. 12 февраля 1912 г. малолетний император Сюаньтун (Пу И) отрёкся от престола. С 1 по 17 июля 1917 г. он был восстановлен на престоле, но свергнут окончательно республиканскими войсками во главе с Дуань Цижумем. В 1932–1945 гг. Пу И в качестве главы республики Маньчжуро-Монгольского государства (Маньчжоу-Го), а в 1932–1934 гг. в качестве императора Великой Маньчжурской империи (Маньчжоу-Ди-Го) под именем Кан Дэ (1934–1945) номинально был главой независимого Маньчжурского государства.

Ретроспективный обзор как самих административно-территориальных единиц в имперскую эпоху, так и их структурных основ и полномочий через события постреволюционной эпохи (с. 512–515) позволил связать их с организацией местной власти в современном Китае, а опора на нормативный материал придала тексту главы устойчивость и содержательность. Авторам удалось показать, что многоуровневая и многоформатная модель управления китайскими территориями представляет собой внешне громоздкий и сложный, однако, как показывает практика, весьма динамичный и эффективный сегмент государственно-го механизма.

Завершая содержательный анализ книги “Современное китайское государство...”, можно констатировать, что перед нами уникальный труд, аналог которому в постсоветской России найти вряд ли возможно. Авторский коллектив и редакторы издания проделали огромную работу по поиску, систематизации и изложению материала, представив его так, что он не выглядит монотонным назидательным текстом. Особого уважения заслуживает успешная попытка отказаться от европоцентристского подхода, от стремления уложить анализ самобытных китайских реалий в прокрустово ложе принятых на Западе схем, в том числе жёсткого деления органов власти на законодательные, исполнительные и судебные.

Обсуждаемую работу вряд ли можно назвать монографией – уж слишком она неоднородна и по объёму разделов и параграфов, и по содержанию. Возможно, следовало бы несколько улучшить структуру книги, объединив ряд параграфов, чтобы исключить дублирование. Некоторые данные, например, о провозглашении независимости Внешней Монголии (с. 416) или об образовании автономного района Внутренняя Монголия (с. 22), по-видимому, требуют дополнительной проверки на истинность, а само издание следовало бы снабдить перечнем сокращений, которые используются с первых страниц, но лишь пытливый ум иногда способен понять, о чём при использовании той или иной аббревиатуры идёт речь. Однако это частные замечания, и они не снижают ценность масштабного труда, не умаляют его энциклопедического размаха. Как представляется, книга “Современное китайское государство...” должна быть включена в перечень трудов, подлежащих изучению в вузах китаеведческого и востоковедческого профиля.

Остаётся надеяться, что авторский коллектив не остановится на достигнутом и вскоре увидит свет новые издания начатой серии, которые позволят как минимум дополнить, а в ряде случаев и сформировать представление о современной китайской государственности и её отдельных компонентах.

ИСТОЧНИК ФИНАНСИРОВАНИЯ

Исследование выполнено за счёт гранта Российского научного фонда № 22-68-00054 “Маньчжуро-монгольский мир Внутренней Азии в первой половине XX в.”.

ЛИТЕРАТУРА

1. Тайцин гурунь и Ухери коли, то есть Все законы и установления Китайского (а ныне Маньчжурского) правительства: том первый / Перевёл с Маньчжурского на Русский язык коллегии Иностранных дел Надворной Советник Алексей Леонтиев. В Санктпетербурге: при Императорской Академии Наук, 1781.
2. Рыбаков В.М. Танская бюрократия. Ч. 1: Правовое саморегулирование. Т. 1. СПб.: Петербургское Востоковедение, 2013.
3. Bodde D., Morris C. Law in imperial China, exemplified by 190 Ch'ing dynasty cases (translated from the Hsing-an hui-lan) with historical, social, and juridical commentaries // Harvard Studies in East Asian Law. 1967. № 1.
4. Ta Tsing Leu Lee: being the fundamental laws, and a selection from the supplementary statutes, of the Penal code of China; originally printed and published in Peking, in various successive editions, under the sanction, and by the authority, of the several emperors of the Ta Tsing, or present dynasty. Translated from the Chinese; and accompanied with an appendix, consisting of authentic documents, and a few occasional notes, illustrative of the subject of the work; by Sir George Thomas Staunton, bart. Staunton, George Thomas Sir, London: Printed for T. Cadell and W. Davies [by Strahan and Preston], 1810.
5. Manuel du Code Chinois/par Père Guy Boulais, S.J. // Variétés sinologiques n° 55, Imprimerie de la Mission catholique à l'orphelinat de T'ou-sé-wé, Zi-ka-wei, 1924. Shanghai, Imprimerie de la Mission Catholique, 1924. Reprinted by Ch'eng Wen Publishing Co, Taipei, 1966.
6. Краткий обзор Китая: приложение к “Карте Внутреннего Китая” / Издание Экономического Бюро Китайской Восточной железной дороги. Харбин: Типография Китайской Восточной железной дороги, 1927.
7. Сурин В.И. Железные дороги в Маньчжурии и Китае: Материалы к транспортной проблеме в Китае и Маньчжурии / Экономическое бюро Китайской Восточной железной дороги. Харбин: Типография Китайской Восточной железной дороги, 1932.
8. Яшинов Е.Е. Очерки китайского крестьянского хозяйства. Харбин: Типография Н.А. Френкеля, 1935.
9. Северная Маньчжурия и Китайская Восточная железная дорога / Китайская Восточная железная дорога; Составлено Экономическим Бюро Китайской Восточной железной дороги. Харбин: Типография Китайской Восточной железной дороги, 1922.
10. Справочник по С. Маньчжурии и КВЖД. Харбин: Издание Экономического Бюро КВЖД, 1927.
11. Яшинов Е.Е. Китайское крестьянское хозяйство в Северной Маньчжурии: Экономический очерк / Экономическое бюро Китайской Восточной железной дороги. Харбин: Типография Китайской Восточной железной дороги, 1926.